

ОБ «АНТИКУЛЬТУРНОМ» ПОЛОЖЕНИИ СПОРТА

Представлены сложившиеся мировоззренческие позиции в отношении развития спорта и спортивного движения. Указаны узловые проблемы, с которыми имеет дело современное человечество в спорте как социальном институте, раскрыты существующие противоречия между гуманистической сущностью спорта и практикой осуществления спортивной деятельности в современном культурно-цивилизационном пространстве, обозначены перспективы развития спорта как формы культурного прогресса.

Ключевые слова: спорт; спортивное зрелище; И. Хейзинга; спортивное соперничество; коммерциализация спорта; технократизм в спорте; Паралимпийское движение; культурный потенциал.

Вступление мирового сообщества в новую фазу культурно-исторического развития – эпоху глобальных информационных систем – сопровождается кризисными явлениями, которые затрагивают разные сферы человеческой деятельности, в том числе и современный спорт. Как известно из истории человечества, любые цивилизационные перевороты отмечены разноречивыми процессами: это и безусловные успехи в овладении человеком природными и собственными телесно-духовными силами, но также и значительные потери в плане гуманистического «включения» человека в окружающий мир. Спорт как телесно-духовный способ приспособления человека к окружающему миру наглядным образом демонстрирует противоречивый характер исторического развития человечества.

В этом контексте в культурантропологическом дискурсе рождается множество вопросов в отношении противоречивых перспектив дальнейшего развития спорта и физической культуры.

Как известно, многие претензии к современному спорту базируются на идеях и высказываниях Йохана Хейзинги, в которых спорт рассматривается как проявление «упадка в культуре». Основное содержание негативной характеристики спорта, данное Хейзингой в его работе «*Homo ludens*», можно свести к следующим тезисам:

1. «Спорт в нынешней общественной жизни занимает место в стороне от собственно культурных процессов, которые идут вне его».

2. «Спорт является скорее самостоятельным выражением агональных инстинктов, чем фактором плодотворного чувства солидарности».

3. «Каково бы ни было его значение для участников соревнований и зрителей, он остается бесплодной функцией, в которой древний игровой фактор успел умереть» [1. С. 313–316].

Именно эти, сформулированные Хейзингой, основные положения, касающиеся «внекультурного» положения спорта в современном мире, и породили горячие дискуссии о его месте и перспективах.

Чаще всего негативная оценка спорта основывается на его соревновательной природе. Авторы, критически относящиеся к этому аспекту [2–4], считают, что ситуации, основанные на соревновании, наносят вред сотрудничеству между людьми, формируют порочное разделение людей на победителей и проигравших. Спортивные соревнования, в которых конкуренция между участниками носит ярко выраженный характер

и присутствует не только между представителями разных команд, но и внутри одной команды за возможность выступать «в основе», а не сидеть на скамейке запасных, делают востребованными такие качества личности, как эгоизм, агрессивность, «спортивная злость», зависть и пр. Сторонники такой позиции всякое соревнование, в том числе и в сфере спорта, оценивают как главную причину отчуждения современного человека и искусственного порождения социального и духовного неравенства. Г. Люшен пишет в этой связи: «Если во всех остальных сферах жизни... есть хотя бы идеологическая тенденция к стиранию социальных границ, спорт содержит в себе элемент иерархической социальной дифференциации с такими точными и объективными градациями, которые мы вряд ли где еще найдем в системе рангов (выделено мной. – М.Б.)» (цит. по: [5. С. 168–169]).

Чаще, однако, в основе негативного отношения к спорту лежит отрицательная оценка не всякого соревнования, а именно современных его форм и комплекса связанных с ним дисфункциональных проявлений [6]. Мания победы, считают критики спорта, способствует приданию слишком большого значения состязательной составляющей спорта и забвению сотрудничества и взаимодействия.

Современные соревнования противопоставляются соревнованиям древности, в которых принято видеть некое идеальное воплощение честных спортивных принципов, отличных от современного жестокого и продажного спорта, при этом игнорируются исторические свидетельства о проявлениях жестокости, например, на древнегреческих Олимпиадах, не говоря уже о римских гладиаторских поединках.

Также авторы, критикующие современный спорт, указывают на все усиливающуюся технократическую тенденцию в спорте [7–9], для которой характерен перенос цели спортивной деятельности с человека, его собственного духовного и физического развития на достигаемый результат. Особенно остро это проявляется в рекордомании. В понятии рекорда свое воплощение нашла идея прогресса, которая стала господствующей в умах мыслителей XIX в. и в которой отразилась страсть западного человека все измерять и подсчитывать для того, чтобы модернизировать и совершенствовать. Сегодня без рекордов современный спорт немислим. Мировые рекорды ратифицируются по специальным правилам и могут устанавливаться на официальных соревнованиях согласно списку дисциплин.

«Когда боги покинули Олимп и когда опустел дантовский Рай, нам некому стало молиться о спасении души. Но мы способны установить новый рекорд – и это пока единственная доступная нам форма бессмертия», – пишет А. Гуттман [5. С. 187].

Научно-техническая революция, считают критики спорта, по сути, подорвала демократические основания спорта, разрушив его основной принцип – равенство условий для состязающихся. Все более дорогостоящая, а потому не всем доступная спортивная экипировка, дорогая аренда залов, бассейнов, велосипедных треков, резко возросший в цене инвентарь – все это ставит соперников в неравные условия, предпочтения получают те, кто сумел заручиться спонсорскими или рекламными контрактами. Другим проявлением технократизма в спорте является узкая специализация. Даже в одном виде спорта (волейбол, футбол и пр.) каждый из игроков занимает определенную позицию на площадке или поле: лайнсмен, центрфорвард, хавбек, и выполняет строго закрепленные за ним обязанности, что, естественно, требует от него определенной техники движения и физического усилия.

Разветвленная система различных регламентирующих правил, инструкций и методик, касающихся не только самого спортивного события, но и всего, связанного с процессом его подготовки, приводит к тому, считают критики спорта, что спорт окончательно утрачивает свой игровой характер, а состязания погублены «фатальным переходом к сверхсерьезности». Каждый этап подготовки спортсмена сопровождается доскональным научным изучением и измерением, превращающим его в подопытное животное или робота. Результаты лабораторных и клинических исследований широко публикуются в открытой печати, в специализированных журналах и сборниках, обсуждаются на научных форумах, так что трудно себе представить серьезную организацию спортивного дела вне подобных процессов.

Т. Адорно, немецкий философ еврейского происхождения, имеющий страшный опыт Освенцима, свидетель Берлинской Олимпиады, видел в спортивных мероприятиях модель тоталитаризма, считал, что спорт есть воплощенное «царство несвободы», машинерии и безличностной чувственности. «Современный спорт, можно сказать, пытается вернуть телу часть функций, отобранных у него машиной. Однако он делает это, чтобы тем самым еще неумолимее приучить человека служить машине. Он целенаправленно уподобляет тело машине. Поэтому спорт принадлежит царству несвободы, где бы его ни распространяли» [4. С. 42]. В таких мероприятиях, как спортивные, деиндивидуализированные массы готовы совершать насилие, поскольку это вытекает из привычки постоянно совершать насилие над собой. Рецессивные социально-антропологические изменения, проявившиеся в отмирании рефлексии, в замене её стереотипными реакциями и мысленными клише, связаны, по мнению Т. Адорно, с развитием массовой «индустрии культуры», к которой, условно, принадлежит спорт.

Подобные взгляды разделяют и другие авторы [10–12], которые считают, что современный спорт воплощает в себе бесчеловечность социальной организации

нашего времени и является врагом свободы. Специализация превращает человека в «винтик в машине спорта». Современные спортивные правила эксплуатируют спортсмена телесно и духовно, превращая его через некоторое время в полного инвалида. Погоня за рекордами влечет за собой фрустрацию для всех спортсменов, кроме небольшой горстки победителей.

Некоторые авторы видят причину снижения культурной значимости спорта в его коммерциализации. «Коммерциализация превратила игру в работу, подчинила удовольствие атлета удовольствию зрителя и свела самого зрителя к состоянию пассивного овоща – полная противоположность олицетворяемого спортом здоровья и силы» [2]. Международные спортивные организации и МОК в своей деятельности все больше исходят из экономических категорий прибыли, с каждым годом увеличивая количество турниров, расширяя программу Олимпийских игр; в этой связи спортсмены, чтобы сохранять свои рейтинговые очки, вынуждены переезжать с континента на континент, что подрывает их физическое и психическое здоровье.

Еще меньше дает спорт тому, кто наблюдает за ним с трибун или по телевизору. Во время спортивного соревнования зрители, ничего не делая, получают возможность пережить азарт, волнение, напряженное ожидание, надежду на победу и горечь от поражения и пр. Во многих случаях эти эмоции являются гораздо более сильными, чем те, что связаны с повседневной обыденной жизнью болельщика. «Победа “своей” команды переживается болельщиком, лежащим на диване, как собственная победа, вызывая чувство гордости за “своих”, чувство превосходства над “чужими”. То, что это переживание досталось даром и не обеспечено собственными усилиями, во внимание не принимается и не учитывается. Бесплатность переживания делает его особенно привлекательным, позволяя совместить чувство причастности к событиям и абсолютную безопасность внешнего по отношению к ситуации положения» [13. С. 390]. Характер, привычки, жизнь спортивных звезд являются предметом подражания для массы их поклонников и, что важно, не в «атлетическом их проявлении», не в спортивной аскезе и напряженном труде, а в его гламурных проявлениях

У. Эко считает, что спортивная деятельность – это «растрата» энергии, полученной через принятие пищи, – средства на которую мы добываем работой. Такой растратой сопровождается всякая неутилитарная деятельность, но она для человека необходима постольку, поскольку дает ему свободу, освобождает от тиранической необходимости работать. Но если для тех, кто сам занимается спортом, эта «рекреационная растрата» обращается в здоровье и самодисциплину, то для тех, кто наблюдает за происходящим, спорт становится инструментом «по вытягиванию здоровья», это своего рода вуайеризм, когда «я лишь получаю смутное наслаждение, наблюдая за здоровьем других» [14. С. 190].

Франке Эльк обращает внимание на то, что современное общество, с его сложной и динамичной организацией, не всегда позволяет человеку занять четкую и ясную позицию по жизненным проблемам. Современное спортивное состязание «редуцирует сложность

реальной жизни к простым образцам, как бы прорисованным на заднике социального театра, и благодаря предлагаемой возможности непосредственной ассоциации с участниками матча... может выполнять для зрителя роль концентрированного образца в его собственной жизни» [15. С. 78]. Причем такие образцы в разных культурах могут приобретать специфические формы, отвечая характеру и темпераменту народа.

И даже самый последовательный сторонник широкого спортивного движения П. де Кубертен видел в спорте как благо, так и серьезную опасность: «Спорт может вызывать как наиболее благородные, так и наиболее низменные чувства, он может развивать бескорыстие и алчность; может быть великодушным и продажным; наконец, он может быть использован для укрепления мира или подготовки к войне» (Цит. по: [16. С. 238]).

Т. Веблен, будучи современником Кубертена, крайне скептически относился к романтической идее Кубертена о том, что мужество, храбрость, чувство локтя, смелость, терпимость и прочие похвальные добродетели автоматически возникают в ходе напряженных спортивных тренировок. Веблен обращает внимание на варварскую стихию спорта, на его иррациональные черты. «У варваров смелость проявляется двумя способами: как насилие и обман. В разной степени обе эти варварские формы смелости представлены в современной войне, в финансовой сфере и в спорте» [17. С. 19]

Есть также мнение и о том, что спорт является своеобразным «наркотиком», что, безусловно, свидетельствует о «патологии личности» [18].

Гипертрофированное физическое развитие за счет интеллектуального, духовного, готовность прибегнуть к любым средствам (допинг, жестокость и т.п.) ради победы, интенсивное, нередко вредное для здоровья использование потенциала юных спортсменов и пр. – все это реалии антигуманного характера современного спорта. Специалистами отмечается, что стремительный рост рекордов вынуждает тренеров привлекать к занятиям спортом детей дошкольного и младшего школьного возраста. В таких видах спорта, как спортивная и художественная гимнастика, фигурное катание, плавание, победителями мировых и олимпийских соревнований становятся юные спортсмены, начиная с 13–14 лет, а значит, для них характерными являются те же проблемы, что и для взрослых спортсменов: травматизм, профессиональные заболевания, нереализованность.

Таковы, в общем и целом, те проблемы современного спорта, которые совершенно очевидно имеют место и которые заставляют его критиков «изгонять» спорт из сферы культуры, отводя ему место в сфере маргинального антикультурного существования.

Зададимся вопросом: так обладает ли спорт культурным содержанием? Способен ли он продуцировать сейчас и в будущем культурные ценности? Каково в действительности место спорта в современном мире, и каковы его исторические перспективы?

Логика ответов на эти вопросы будет соответствовать тем критическим положениям, на которых базируются основные претензии к современному спорту.

Аргумент № 1: Любое состязание – это зло, спортивное соревнование – это зло вдвойне.

История возникновения и развития спортивного движения в мире, безусловно, свидетельствует об аутентичности соревновательного спорта существованию человеческой личности и человеческой коллективности. Мы согласны с Л.П. Матвеевым, который пишет: «“Инстинкт опережения и противоборства”, послуживший, вероятно, биопредпосылкой соревновательной деятельности, прошел многовековую “обработку” этическими и другими регуляторами человеческого поведения и лишь тогда превратился в естественный побудитель спортивно-соревновательной деятельности. К настоящему времени она приобрела строго очерченную структуру, содержание и условия функционирования, сложилась как специфическая собственно соревновательная деятельность человека, нормы которой четко закреплены в глобальном, общечеловеческом масштабе (в правилах соревнований, утвержденных международными спортивными федерациями, в международном “Манифесте о спорте”, в Олимпийской Хартии и пр.)» [19. С. 48].

Состязательность как один из атрибутов спорта находит свое существование не только в нем, но затрагивает практически все сферы человеческой активности. В ее основе лежит, во-первых, неуничтожимая потребность человека в положительной оценке обществом своих возможностей и талантов. Во многом прогресс общества определяется именно удовлетворением потребности превзойти другого и достичь наилучшего результата. И во-вторых, соревновательность выступает неотъемлемым элементом процессов самосознания человеческой личности, ее возможности сравнить себя с другими. «Только в сравнении с другими я осознаю индивидуальное во мне; я осознаю только то, что во мне отличается от другого» [20. С. 133]. По всей видимости, в спорте человек нашел средство, с помощью которого можно в условиях предельной открытости и публичности реализовать свое честолюбие, стать победителем – идеальным, настоящим. И если даже после войн вопрос о победителях и побежденных не является подчас однозначным и достоверным и послевоенное устройство мира допускает различного рода уступки и реверансы проигравшему, то финальный свисток или итоговая таблица снимают все вопросы: спортивная победа абсолютна и максимальна!

Приходится все чаще слышать обвинения в адрес спорта, связанные с ростом насилия и жестокости на спортивных площадках и аренах. Здесь следует сказать, что человек рубежа веков не более склонен к жестокости и насилию, чем прежде, и возрождение спорта в XX в. и его превращение в XXI в. в масштабное, фактически глобальное явление нельзя рассматривать как свидетельство человеческой деградации. Сегодня уровень общественного контроля над насилием, а также стандарты самоконтроля личности гораздо выше, чем они были даже в эпоху древнегреческих Олимпийских игр, не говоря о римских гладиаторских боях. Стоит предположить, что разрушительная энергия быстрее всего найдет свое применение именно в областях разрушения – от той же войны до хулиганства и вандализма, но никак не в таком созидательном процессе, каким по своей природе является спортивное состязание.

История спортивного соревнования – это история проявления высоких человеческих качеств: стойкости, мужества, трудолюбия, смелости, воли к победе, солидарности и взаимопомощи.

Аргумент № 2. Гуманистической перспективы спорта, вследствие его сверхкоммерциализации, не существует.

Говоря о гуманистических перспективах спорта или отказывая спорту в таковых, необходимо учитывать его многообразие, иметь в виду – о каких его разновидностях идет речь. Идет ли речь о спорте, который обычно называют «массовым спортом» или «спортом для всех», или речь идет о спорте для немногих – о «спорте высших достижений»? Как отметил президент Международного совета спорта и физического воспитания Рожер Баннистер в заключительном выступлении на международном конгрессе «Спорт и международное взаимопонимание», «спорт может означать много различных вещей. Он может означать агрессивную, даже насильственную борьбу между горсткой элитных спортсменов национальных команд. Он может выступать как спорт для всех, включающий в себя 60% населения, в таких рекреационных, несоревновательных его разновидностях, как бег трусцой, ходьба на лыжах. Столь различные формы спорта подчиняются совершенно различным принципам» [21. С. 70]. Стоит сказать в этой связи о Паралимпийском движении, набирающим обороты в XXI в., которое способствует гуманизации общества, что проявляется не только в том, что все большее число инвалидов вовлекается в активное социальное взаимодействие, но также и в том, что вектор общественного мнения все более смещается в направлении понимания инвалидности как всего лишь одной из форм различности человеческого бытия.

Спектр видов спорта за последние десятилетия чрезвычайно расширился. Появление таких модных неформальных видов спорта для удовольствия и приключений, как skydiving, freeclimbing, paragliding, rafting, windsurfing и пр. (большинство из названий не имеют адекватного перевода на русский язык), связано, во-первых, с тем, что традиционные виды спорта не отвечают новым потребностям современной молодежи в скорости, опасности, прогрессе, а во-вторых, с желанием избегать формализованности и упорядоченности, характерных для традиционных видов спорта.

Определяющие будни спортсмена добродетели эпохи «постмодерна» остались прежними: аскеза и «готовность к пожертвованию», новые виды спорта также требуют большого «инвестирования физического капитала». Но помимо этих добродетелей от спортсменов-серфингистов, сноубордистов, скейтбордистов требуется нечто особенное, а именно – «экстремальная приверженность участников к субкультуре и особому образу жизни». «Экстремальная сложность динамических отношений» между телом спортсмена, техническим снаряжением (парусом, доской, парашютом) и природными стихиями (водой, ветром или непроходимыми маршрутами) делает эти виды спорта действительно серьезным вызовом человеку, отвечающим ценностям XXI в. [22. С. 8–13]. «Подчиненная воле телесность убеждается в своей силе и своем мужестве; открытый силам природы индивид обретает близость миру в его элементах» [23. С. 330–331].

Что общего между всеми этими видами спорта? Это вовлечение человека, взаимодействующего со сложнейшим техническим оборудованием, в виртуозное движение в пространстве, для которого восприятие скорости и контроля над всеми элементами этого процесса и составляет смысл соревновательной деятельности. На высочайшем уровне все эти виды спорта требуют очень большого «вложения физического капитала». И для того чтобы участвовать даже на самых низких уровнях соревнований, умение спортсмена достигать контроля над взаимодействием сложнейшего технического оборудования, своей телесности и условий природной среды должно стать «виртуально интуитивным» [22]: это должно происходить неосознанно, так что оборудование становится «протезным продолжением тела человека» [22], а сила ветра – его дополнительными резервами.

Формализованные соревнования существуют в виндсерфинге, яхтинге, сноубординге и пр. (некоторые из экстремальных видов спорта даже включены в число олимпийских), есть клубы, которые проводят профессиональные «программы», предназначенные для зрелищ и СМИ. Но большинство из спортсменов неформальных видов спорта не принимают участие в таких мероприятиях, предпочитая «фрирайд», получая удовольствие от «особенных» факторов, таких как вызывающее противопоставление себя окружающей природной среде. Необходимо помнить, что для этих видов спорта требуется определенная сила волны или ветра, они не рассчитаны в большей степени на зрителя, поскольку часто место проведения соревнований недоступно для присутствия зрителей. Это не означает, что неформальный спорт – обособленный и неконкурентоспособный: спортсмены собираются на подходящих площадках (пляжах, горных склонах и пр.) и неформально состязаются между собой и выносят решения по поводу конкурентности и навыков друг друга, что является «основными формами субкультурного физического капитала и статуса» [22]. Отношение к соревнованиям атлетов, месту спорта в их жизни и сложности в приобретении навыков – весь этот набор характеристик является частью воплощенного человеческого капитала, который определяет природу неформальных видов спорта как образа жизни.

Аргумент № 3. Современный спорт – это «грязная смесь рекламы и бизнеса».

Помня о том, что спорт является феноменом европейской культуры, следует признать, что все его негативные трансформации порождены общими тенденциями современной социокультурной ситуации в западном мире. При анализе спорта важно учитывать, что он испытывает на себе значительное влияние той социально-культурной системы, в условиях которой происходит его развитие. Отмечаемые проблемы не являются «чистым» порождением самого спорта, спорт отражает и во многом *обнажает* существующие в общественном развитии противоречия. Важно ставить вопрос не о том, нужен или нет соревновательный спорт, а о том, как должно быть *организовано соперничество* в рамках спорта. Решение проблемы гуманизации современного соревновательного спорта предполагает поиск новых моделей гуманно организованного соперничества.

Аргумент № 4. Спорт – это только зрелище.

Хотя современный спорт, впрочем, как и все другие виды деятельности, подчинен закономерностям постиндустриальной цивилизации (усиление профессионализации и коммерциализации, повсеместное превращение спорта в зрелище), он, тем не менее, сохраняет свое экзистенциальное измерение, выражающееся в его эстетической привлекательности и для тех, кто им занимается, и для тех, кто наблюдает за спортивным поединком с трибун. Спорт предоставляет огромные возможности спортсменам и зрителям

для создания и созерцания разнообразных эстетических ценностей, и в этом отношении он не только не уступает другим сферам жизнедеятельности, но порой и превосходит их.

Таким образом, культурный потенциал спорта используется в большей или меньшей степени в зависимости от конкретной ситуации, исторических условий, под воздействием различных факторов. Его содержание, характер, направленность, значимость не являются раз и навсегда данными, но имеют подвижный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерланд. В. Ошиса. М. : АСТ, 2004.
2. Лэи К. Вырождение спорта. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/54/02/pdf>
3. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя : пер. с англ. М. : АСТ, 2006.
4. Adorno Th.W. Das Reich der Unfreiheit und der Sport // Sportphilosophie. Leipzig, 1997.
5. Гуттман А. От ритуала к рекорду. Философия, политика и культура спорта // Логос. 2009. № 6 (73). С. 147–187.
6. Bredemeier Brenda Jo, Shields David L. Athletic aggression: an issue of contextual morality // Sociology of Sport Journal. 1986. № 3. P. 15–28.
7. Быховская И.М. Гуманизм и технократизм: два стиля мышления в спорте // Нравственный потенциал современного спорта. М. : Сов. спорт, 1989. С. 25–31.
8. Sport in contemporary society : an anthology. N.Y. : St. Martin's Press, 1979.
9. Sport in the modern world – Chances and Problems: Papers, results, materials of scientific congress, Munich, August 21 to 25, 1972. Berlin, Heidelberg, N.Y. : Springer Verlag, 1973.
10. Habermas J. Soziologische Notizen zum Verhältnis von Arbeit und Freizeit // Konkrete Vernunft. Bonn : Athenaeum, 1958.
11. Hargreaves J. Sport, Culture and Ideology. L. : Routledge and Kegan Paul, 1982.
12. Rigauer B. Sport and Work. N.Y. : Columbia U Press, 1981.
13. Улыбина Е.В. Тело и слово в теории катарсиса Выготского // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М. : АСТ, 2007. С. 371–393.
14. Эко У. Болтовня о спорте. Философия, политика и культура спорта // Логос. 2009. № 6 (73). С. 188–193.
15. Эльк Ф. Современный спорт – религия рубежа тысячелетий? // Отечественные записки. 2006. № 33 (6). С. 67–80.
16. Теннер Ю. Олимпийские метаморфозы // Отечественные записки. 2006. № 33 (6). С. 238–257.
17. Veblen Th. Sport als Restbarbarei in der Moderne // Sportphilosophie. Leipzig, 1997.
18. Coakley Jay J. Sport as an opiate // Sport in contemporary society: An Anthology. N.Y. : St. Martin's Press, 1979.
19. Философия и социология спорта в XXI веке. Круглый стол // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6.
20. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе. М. : МГУ, 1987.
21. Столяров. Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты проблемы // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 1: Исторические и теоретико-методологические основания : сб. / сост. и ред. В.В. Кузин, В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков. М. : Гуманитарный Центр СпАрт РГАФК, 1997.
22. Tim Dant and Belinda Wheaton. Windserfing: An extreme form of material embodied interaction? // AT anthropology today Special issue. December 2007. Vol. 23, № 6.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. М. : Политиздат, 1991.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 10 января 2013 г.